

ПОЛИНА ДЕНИСОВА

МАМЕНЬКИН
СЫНОК

18+

Полина Денисова
Маменькин сынок

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Денисова П.

Маменькин сынок / П. Денисова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Материнская любовь может быть сильной, может – очень сильной, а может – фанатичной. Для Нади ее единственный сын Гоша стал центром вселенной. Она готова жертвовать для него не только собой, но и другими людьми. Она не любит мужчин, и даже собственный муж был нужен ей с одной единственной целью – родить ребенка.

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.postermywall.com> по лицензии ССО.

Глава 1

Гоша Губа появился на свет шестнадцатого ноября тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. И тут же заявил о себе громким, настойчивым плачем, не дожидаясь, пока акушерка отшлепает его по сморщенной новорожденной попке. Уставшая от затяжных родов мать приветствовала громкоголосого сына слабой, но счастливой улыбкой. Персонал родзала облегченно выдохнул, роды были сложными, а роженица, несмотря на кроткий нрав, была женщиной возрастной. Но мальчишка оказался ладным – злился, смешно морща маленькое красное личико, лягался и трубно кричал хриловатым младенческим баском.

– Ого, да у нас Шаляпин! – угрюмо пошутила Нинель Аркадьевна, главный врач родильного отделения, которая перестала улыбаться еще на фронте, работая врачом санитарного поезда.

Роженица, измученная десятичасовым пребыванием в родильном зале, с запавшими глазами и искусанными в кровь губами, благодарно переводила взгляд с новорожденного сына на Нинель Аркадьевну. Из-под белой хлопчатобумажной косынки выбилось несколько мокрых, слипшихся прядей волос, в которых уже начала пробиваться седина. К моменту рождения своего первенца Надежде Георгиевне Губа было тридцать восемь лет.

Отец маленького Гоши, Петр Георгиевич Губа, узнал о своем отцовстве по телефону, от своей сестры Дуся, которая без устали целый день, каждые четверть часа звонила в роддом, и от ее голоса регистраторша беззвучно шевелила губами и красноречиво возводила глаза к потолку.

– Петенька, поздравляю с сыном! – торжественно начала Дуся, но тут же, не сдержавшись, затараторила: – Мальчик, здоровый, три семьсот, пятьдесят два сантиметра! Завтра можно навещать, шоколад нельзя, соки нельзя, цитрусовые тоже нельзя, молочные продукты выборочно. Ой, забыла, цветы тоже нельзя!

Петр Георгиевич выслушал сестру молча, сдержанно поблагодарил, аккуратно положил трубку на аппарат и вернулся к телевизору. Передавали футбол. Назавтра он, как и велела Дуся, принес в роддом скудную передачу, не забыв вложить в нее немногословную записку: «Здравствуй, Надя. Спасибо за сына. Желаю скорейшего выздоровления. Твой муж Петр». После этого, повинувшись обязательному ритуалу, Петр потоптался под роддомовскими окнами, а Надежда, палата которой оказалась на третьем этаже, помахала ему сначала рукой, потом бесформенным белым свертком, а потом снова рукой, с отмашкой – иди уже домой.

Через неделю молодой отец, наняв частника, встречал их на новеньком красном «Москвиче». Все та же Дуся научила брата твердо следовать протоколу: шампанское и торт – персоналу, красные гвоздики – жене. Петр Георгиевич сделал все, как нужно. Из парадного входа роддома вышла побледневшая, все еще тяжеловесная после беременности Надя, прижимая к себе огромный одеяльный сверток с невероятно большим синим бантом. Рядом шагала невозмутимый Петр. По все тому же никем не писаному правилу сверток надлежало держать отцу, и он уже было принял из рук санитарки скрытого в своем ватном одеяльном коконе сына, но жена твердо взяла у него ребенка, и Петр свое право на вынос из роддома отстаивать не стал.

Дома ждал накрытый Евдокией праздничный стол, а также множество новых вещей – украшенная кружевным покрывальцем детская кроватка; синяя, с белыми ромбами на боках коляска; набор бутылочек и сосок; квадратная стопка пеленок, треугольная – подгузников,

нашитых Дусей из марли; чепчики всевозможных размеров, цветастые распашонки и однотонные ползунки.

За праздничным столом сидели недолго и как-то скомкано – Надежда то и дело вскакивала к малышу, который спокойно спал в своей новенькой кроватке и внимания к себе вовсе не требовал. Но молодая мать, повязав на голову хлопчатобумажную белую косынку, словно все еще была в роддоме, уже рвалась исполнять свои прямые обязанности. Петр, ожидавший увидеть свою жену постройневшей, был немного разочарован все еще тяжелой фигурой Надежды, ему не очень нравилась и косынка, слишком напоминавшая больницу, но он привычно молчал. Евдокия, которая в отличие от брата отличалась крайней болтливостью, вдруг громко спросила:

– А ведь Гоша родился шестнадцатого, так?

Петр кивнул, Надежда слегка напряглась.

Бесхитростная Дуся с видом победителя продолжала:

– А поженились вы какого? Шестнадцатого февраля! И что получается? – И Дуся, чрезвычайно довольная собой, подытожила. – А получается, что Гошенька родился спустя ровно девять месяцев после свадьбы!

И она с видом победителя откинулась на стуле. Петр с преувеличенным интересом ел винегрет, Надежда деланно равнодушно повела плечом. Все было верно – сын родился день в день через девять месяцев после свадьбы. И было бы это чудом и торжеством счастливой семьи, благословением природы и самого неба, если бы не один факт. За все время совместной жизни супруги Губа были близки лишь один раз – в ту самую первую брачную ночь.

Наутро Надежда, полыхая лицом и по-деревенски кутаясь в шаль, боком выскочила за дверь, и с тех пор Петр ни разу не смог уловить от нее хотя бы слабый женский импульс. Он страдал и обвинял во всем себя, что был, наверное, грубым и мужланистым, испугал молодую жену своей напористостью. Увы, второго шанса, равно как и возможности исправить ошибку, Надя мужу не предоставила. В первый после свадьбы месяц она беспрерывно болела. Сначала была простуда с высокой температурой, потом случился приступ гастрита, который плавно перетек в радикулит. А потом выяснилось, что Надя беременна, и когда однажды ночью осмелевший вдруг Петр попробовал предъявить жене свои супружеские права, Надя очень обиделась и отказала поспешно и окончательно. Беременность, как понял Петр, супружеских отношений не предполагала. Несколько раз он подумывал о том, чтобы призвать свою жену к ответственности, или хотя бы к совести, но от природы был Петр человеком застенчивым и говорить много не любил. К тому же и тема предполагаемой беседы была очень и очень деликатной. И Петр решил ждать, в конце концов, любой беременности рано или поздно приходит конец.

Глава 2

Петр Губа родился в сибирской глубинке. Семья его до колхоза занималась изготовлением глиняной посуды, отец позднее ушел на рудник. Мальчишкой Петя топтался босыми ногами в корыте с глиной, разминал ее, вязкую, тугую, словно пельменное тесто. Потом матушка, выхватывая по куску, ловко лепила из глины крынки, тарелки и кружки, обглаживала мокрой тряпкой, обжигала в печке. Сама носила на базар продавать, деньги, аккуратно завернутые в чистую тряпочку, сдавала мужу. Когда в их краях нашли угольное месторождение, и село превратилось в рабочий поселок, полностью ориентированный на шахту, Петя, не раздумывая, пошел в шахтеры. Вместе с ним отдавали свое здоровье молодому советскому государству отец и трое братьев. Там же, в шахте, он встретил и свою первую жену. Альбина работала в забое с самого детства, до знаменитого постановления пятьдесят седьмого года о запрете женского труда под землей было еще несколько лет. Молодые горняки поженились в

начале пятидесятых, и прожили почти десять лет, которые он вспоминал с грустью. Им было хорошо вместе, несмотря на убогую комнату в продуваемом всеми ветрами бараке, на крикливых соседей, ржавый таз для мытья и провонявший уличный нужник. По выходным собирали в своей двадцатиметровой комнате веселых друзей, пили портвейн, пели под гитару комсомольские песни и мечтали о счастливом будущем. Была Альбина веселой, немного грубоватой, с густым бордовым румянцем на смуглых щеках и тяжелой черной косой, которую она с тихими проклятиями переплетала каждое утро. Притворяясь спящим, Петр любил наблюдать, как длинные волосы жены сначала тяжело падали Альбине на голую спину и круглый, весомый зад, а потом, повинуясь отработанным до механизма движения, послушно ложились в косу, которая, словно змея, многократно сворачивалась в большое кольцо и укрощалась шпильками. После этого Альбина, которая никогда не была стыдливой, по-прежнему голая, принималась шумно шлепать по комнате, гладить мужу рубашку и брюки, штопать носки, мести пол, и под эти утренние звуки Петр притворно открывал глаза, чувствуя себя маленьким ребенком. Это была их необъявленная игра, взрослая игра в мужа и жену, которые любили друг друга намного больше, чем могли сказать об этом словами. Он не уставал ждать, когда тяжелые груди склонившейся над ним жены колыхнутся возле самого лица, так, что можно ухватить губами крупный сосок, и сама она, тоже тяжелая, пахнущая терпким и чем-то немного кислым, смеясь, опустится прямо на него. Он всегда любил эти утра, принадлежавшие только им, и никому больше. Потом был день, план, обязательства и выговоры, тяжелый, иногда изнуряюще тяжелый труд, когда во время перекура было лениво даже стряхнуть пепел с папиросы, а несколько раз Петр засыпал, стоя под тугой струей горячей воды в общей душевой.

Альбина умерла внезапно, от пневмонии, которая начиналась как простая простуда. Детей у них так и не появилось. После похорон Петр, который уже выработал свой подземный стаж и раннюю пенсию, сдал ордер на квартиру, побросал в старенький чемодан две рубашки, пару трусов и альбом с фотографиями, и отправился на вокзал, где долго стоял перед железнодорожной картой страны.

Приехав в областной центр на Волге, он устроился рабочим на шинный завод, получил комнату в рабочем общежитии, выписал журналы «Смена» и «Радио». По вечерам Петр с интересом занимался своей самодельной радиостанцией, на выходных выпивал пива с товарищами по смене. Ходил на футбол, в кино, редко – на танцы. С женщинами у него как-то не складывалось.

С Надей Куличкиной он познакомился на первомайской демонстрации, она пришла туда вместе с его сестрой и своей коллегой Дусей, которая, окончив институт, приехала вслед за братом и устроилась в конструкторское бюро. Надежда была секретарем партийной организации. Полненькая, с русой косой, уложенной короной вокруг головы, с серьезными серыми глазами, тщательно подрисованными химическим карандашом, она уже миновала молодость, и скромная красота ее была не яркой, дразнящей и дерзкой, но спокойной и мудрой, обещающей достойную и крепкую, образцовую советскую семью. Петр влюбился тихо, но накрепко. Выждав неделю, он встретил Надю возле проходной кэбэшки, как называли в городе конструкторское бюро. Надя удивилась, на щеках ее выступил румянец, но вела себя сдержанно. Чинно позволила проводить себя до дома, на чай не пригласила, но на следующее свидание согласилась.

Через полгода Петр сделал Надежде предложение, она ответила согласием. Свадьбу сыграли скромную, однодневную. Жениху с невестой было уже сильно за тридцать, а потому особенной торжественности не предполагалось. После ЗАГСа отправились в кафе, гостей было довольно много, но выпивали культурно, прилично. Из кафе молодые супруги Губа отправились к Наде, перед самой свадьбой ей дали отдельную двухкомнатную квартиру.

Утром после первой брачной ночи Петр, смущаясь реакции жены на близость, долго лил воду и брился в ванной. Из кухни уже тянуло аппетитным запахом блинов, а он все вглядывался в свое гладкое, душистое после одеколона лицо, в который раз зачесывал назад не слишком густые волосы, напрягал бицепсы, оглядывал себя сбоку и со спины. Был он невысоким, крепким, с сильными, несколько коротковатыми руками и ногами, круглой головой на широких плечах. Лицо его было правильным, но не ярким – серые глаза, бесцветные брови, никаких особых примет, вроде волевого подбородка или гордого орлиного носа с горбинкой.

За завтраком оба чувствовали неловкость, а потому слишком подробно поговорили о политической обстановке в мире, полностью и даже слишком горячо одобрили курс партии. Петр согласился, что пора и ему вступить в компартию, в конце концов, жена его была хоть и небольшим, но все же партийным лидером.

А потом была долгая и непростая беременность с постоянными больницами «на сохранение», и Петр носил передачи, делал ремонт в квартире, доставал дефицитные обои и сантехнику. Вездесущая сестра Евдокия, сама старая дева, охотно включилась в программу помощи молодой семье, к тому же Надя была ее ближайшей подругой. Дуся приходила почти каждый день, а в те недели, когда Надежда лежала в больнице, она по старой деревенской привычке вела хозяйство – варила брату обеды, стирала и убирала дом. Иногда Петру казалось, что женщин в его жизни стало слишком много – до этого он принадлежал сам себе, а теперь им по очереди руководят то жена, то сестра, но мысли эти занимали его недолго, и он привычно и послушно приспосабливался к новым реалиям.

Став отцом, Петр ощутил одновременно гордость и некоторое отчаяние, особенно в тот момент, когда его жена повязала на голову совсем, как ему казалось, ненужную белую косынку. В этом жесте он прочитал много, намного больше, чем просто покрывание головы – он уловил в нем нечто новое, тайное, известное только Наде и тому маленькому созданию, укутанному в ватное одеяло. А вот ему, Петру, места в этой новой жизни пока не было.

Петр оказался прав – Надежда отдалась материнству неистово и безоглядно. Едва появившись на свет, маленький Гоша, казалось, занял собой весь Надин мир. Она безропотно вставала к нему по ночам, едва заслышав легкое покряхтывание сына. Если малыш плакал, она готова была на все, только бы прекратить его страдания, не желая понимать, что младенческий плач вовсе не всегда связан с обидой или болью. Своего мужа Надя воспринимала теперь в одной единственной роли – роли отца Гоши, и часто она с недоумением и даже ожесточением смотрела на него, когда он не срывался с места по первому гошенькиному крику. Петр оставался спокоен, и на материнско-инстинктивные порывы жены никак не реагировал, однако был озадачен. Он догадывался, что кульминацией, высшим смыслом их с Надей встречи и той единственной брачной ночи и был их сын Георгий. Но заботило другое – было очень похоже на то, что свою роль он уже исполнил, а другую, роль постоянного мужа, его жена ему так и не дала. Даже место Петра в их с Надей супружеской постели занял теперь Гоша, а отец перебрался на диван в гостиной. По вечерам Петр тихонько, в наушниках, смотрел по телевизору футбол или хоккей, время от времени оттягивая один наушник и прислушиваясь, не нужна ли его помощь жене. Надежда справлялась сама.

Через пару дней после выписки в дверь позвонила патронажная сестра. Ей открыла не слишком молодая, опрятная женщина, и опытный взгляд медсестры сразу определил в ней «старую первородку», ее любимую категорию мамаш. Такие всегда с большим вниманием относятся в прививкам и плановым походам в поликлинику, стараясь, в отличие от «молоденьких кукушек», дать своим детям полноценное, а, главное, плановое развитие. Сестра с

удовольствием отметила и чистое домашнее платье, и, конечно, безупречно белую косынку, которую Надежда, к тайному недовольству мужа, теперь не снимала даже на ночь. Вечерами, тщательно отглаживая каждую пеленку и подгузник, она утюжила и косынки, которых у нее было несколько. По утрам, еще затемно, не тревожа сына, Надежда совершала почти ритуальное омовение своих огромных грудей. Поочередно держала их, тяжелые, полные молока, на растопыренной руке, другой тщательно и торжественно, сантиметр за сантиметром, натирала груди губкой, намыленной обязательно детским мылом. Делала это три раза, всякий раз не ленись сначала смыть мыло. Иногда Петр, увидев свет в дверную щель ванной, тихонько подкрадывался к стеклянной двери гостиной и, затаив дыхание, краснея в темноте и тяжелея всем своим мужским весом, подглядывал за женой. Надежда же, не подозревая о слежке, тщательно сушила раскрасневшиеся от мочалки груди с большими, торчащими красными сосками, от вида которых у Петра шумело в голове и пересыхало в горле. А она тем временем облачалась сначала в простую, белую ситцевую рубашку, затем в домашнее, тоже ситцевое платье. Бюстгальтер кормящая Надя не носила категорически – он мог навредить лактации. Затем она наскоро проводила расческой по волосам и наглухо прятала их под ненавистную косынку. Позднее, накормив проснувшегося Гошу, она быстро варила мужу кашу и заваривала ему свежий чай, не замечая, как он косится на малейшее колыхание груди под двойным ситцем.

Патронажная сестра, автоматически, неинтересно сюсюкая, осмотрела новорожденного Гошу и осталась довольна. Когда же Надежда, достав новенький блокнот, убористым почерком начала дословно записывать все, даже самые простые ее рекомендации, сестра немедленно включила ее в свой рейтинг мамаш на почетное первое место.

Глава 3

Надя Куличкина родилась в рабочем городке на Волге. Семья ее была бедной, жили в бараках на самом краю города. Их бедность была бы удручающей, если бы отец и мать не были густо пропитаны духом социалистического пролетариата, который творил с людьми настоящие чудеса, заставляя не чувствовать унижения от нечеловеческих условий жизни. Точно так же, а порой и еще хуже, жили и соседи, а потому никакого протеста убогий их быт ни у кого не вызывал. Война отняла у Нади и двух ее сестер отца, мать работала на заводе в три смены. Первая смена начиналась в полшестого утра, и когда соседи по бараку только начинали просыпаться, чтобы успеть на завод, Зинаида Куличкина уже полоскала в цинковом ведре огромные серые тряпки, которыми она добросовестно возила по непромываемому цеховому полу. Была она женщиной бессловесной и терпеливой, и, несмотря на пролетарское отравление, обладала настоящим христианским терпением. Одна тянула троих дочерей – Валю, Надю и младшую Галю. Девочки были работающими, помогали матери в их простеньком хозяйстве, неплохо учились, а вот красотой ни одна из них не отличалась. Все три были в материнскую родню – низкорослые, неприметные. Впрочем, никаких особых уродств у сестер Куличкиных тоже не было, были они самыми обычными девочками с провинциальной рабочей окраины. Старшая Валя мечтала быть агрономом, жить в деревне и выращивать хлеб и овощи для всей советской страны. Кульминацией ее мечтаний была статья в центральной газете, в которой подробно, с цифрами и фотографиями, рассказывалось бы о трудовом подвиге ее колхоза. Младшая, Галя, имела склонность к музыке вообще и к пению в частности, годами ожидая, когда мать позволит ей ходить в хор. Той было не до хора. Средняя из сестер, Надя, никакими особыми талантами и склонностями не отличалась, зато была просто прирожденным лидером. Активистка, она неизменно избиралась то председателем пионерского отряда, то комсомольским секретарем. Надежда обожала сидеть за покрытыми кумачом столами на всевозможных собраниях, обсуждать, предлагать, критиковать и даже делать выговоры. Иногда, заигрываясь, она призывала к коммунистической ответственности даже собственную беспартийную мать, когда та

притаскивала с работы темные, с глубокими трещинами, пересохшие куски хозяйственного мыла. Больше унести с завода Зинаиде было попросту нечего. Ворованное мыло, несмотря на комсомольскую честность дочери, было в семье не лишним. По воскресеньям три дамы Куличкины ходили в баню, и для того, чтобы промыть четыре густые расплетенные косы, требовалось немало мыла. Распаренные, порозовевшие, крепкотелые, юные сестрички выглядели почти хорошенькими, стыдливо кутаясь в серые от стирки простыни и украдкой разглядывая чужие тела вокруг. Иногда, если в банном зале было малоллюдно, они бесились, окатывая друг друга из шаек, шлепая вениками и бегая между рядами лавок. Тогда уже забывалось и про стыд, и про простыни, и три вполне половозрелые девицы с длинными распущенными волосами, звонко хохоча и бесстыдно потрясая грудями, устраивали в убогой бане самый настоящий шабаш. Но эти ведьминские игры случались редко, а в основном в женский день в бане было тесно, душно, пахло потом и давно немывыми телами, а бурая скользкая плитка на полу была густо затянута паутиной чужих волос.

Барак на восемь семей, в котором жили Куличкины, стоял последним в ряду одинаковых строений, представлявших собой унылую улицу с отсутствующим тротуаром. Во время дождей дорога раскисала настолько, что путь из школы домой превращался в настоящую полосу препятствий. Именно в такой октябрьский день пятнадцатилетняя Надя возвращалась домой раньше сестер. Она шла с комсомольского собрания в райкоме, где ее кандидатуру на пост секретаря комсомола школы поддержали единогласно. Мечтая о новых свершениях, Надежда шлепала по грязи и даже совсем не расстроилась, когда ее правая туфля, чавкнув, тяжело осела в жирной коричневой массе, а сама она, по инерции сделала еще пару шагов, попадая в такое же месиво ногой в чулке. Охнув, она вытянула из грязи туфель, брезгливо осмотрела начавший набухать чулок. Секунду размышляла, вздохнула и решила добежать домой так, чтобы не испачкать обувь еще и внутри. Так, с грязной тяжелой туфлей в вытянутой руке, и зашла домой. Не удивилась, что дверь их комнаты была приоткрыта – запирались у них было не принято. Сестер дома не было, и Надя запрыгала на одной ноге в кухню к умывальнику. В общем коридоре было непривычно тихо, и Надя отметила про себя, что никогда еще не была дома в такое время. Позднее квартира и весь барак наполнялись звуками и запахами, хлопали двери, плакали дети, звякали крышки кастрюль. Но сейчас все было совсем не так, и даже звук воды, бьющей в железную раковину, показался девочке неожиданно громким. Напевая, стянув один чулок, она вернулась в комнату, и, едва прикрыв за собой дверь, получила оглушительный удар по голове. Слабо вскрикнув, девочка осела на пол, а ее уже грубо и жадно ощупывали незнакомые руки, обрывая пуговицы с ее клетчатого пальто. Она запомнила все, несмотря на ужас, сковавший, казалось, и мозг, и тело. Их было двое, насильников. Один – лысый, с обрывками белесых волос на неправильном, костистом черепе, второй – смуглый, беззубый, с зловонным дыханием и жирными кудрями. Насиловали Надю по очереди – один держал, больно стоя коленями прямо на ее руках и шаря руками по голой груди, другой, так же, коленями надавив на ноги, врвался в нее изнутри. Она была в сознании, настолько в сознании, что запомнила каждую щербинку в череде желтых зубов белобрысого и помнила, как подпрыгивали давно немывтые черные кудри смуглого, когда он ритмично вбивал в нее свою похоть. Но позже, в милиции, Надя сказала, что потеряла сознание, и никаких примет назвать не смогла. Не смогла даже сказать, был ли преступник один, или несколько. Не призналась она ни матери, ни сестрам, навсегда похоронив в себе воспоминания о своем унижении и боли.

Она замкнулась и первую неделю после страшных событий пролежала, словно ватная, лицом к стене на своей койке, и ни уговоры, ни слезы не могли заставить ее поесть или хотя бы попить. Спустя неделю Надя начала приходить в себя и, к тихой радости матери, стала есть. Сестры, несмотря на жалость, не сговариваясь, сторонились ее. Едва ли они могли объяснить,

что именно изменилось в Наде, но для обеих она стала какой-то «не своей». Жалость, невероятно жестоким образом смешанная с брезгливостью, дали не менее жестокий результат – Надя, душа и лидер всей семьи, стала вдруг в ней чужой. Зинаида жалела дочь, как умела. Рано утром, перед сменой, гладила ее волосы и тихонько целовала руки спящей Наденьки, а по вечерам, за ужином, старалась подложить ей самый лучший кусок.

Едва Надя отошла от страшных событий и снова начала ходить в школу, выяснилось, что девочка беременна. Первой беду почувала мать. Ей, прошедшей через три беременности, не нужны были осмотры и тесты, и когда однажды утром она обнаружила дочь не в своей койке, а блюющую в общем туалете, то долго в ступоре сидела на стуле, от ужаса не в силах пошевелить даже пальцем. Осознав масштаб случившейся с ней беды, Надя снова ушла в себя. Через трое суток коматозного лежания лицом к стене она, дождавшись, когда домашние разойдутся, встала, тщательно умылась и причесалась, и тихонько прошла в сарай с инструментами. Там нашла грубую веревку, с большим трудом сумела связать петлю и привязать ее за балку. Вскрабкалась и с абсолютно сухими глазами решительно столкнула себя с чурбака. Веревка немедленно оборвалась. Надежда сделала еще три последовательных попытки, упрямо изобретая все новые узлы, но всякий раз оказывалась на полу. Она вернулась в комнату и к ужасу Зинаиды лежала следующие десять дней. Не зная, как пережить горе, мать, не найдя ничего лучшего, отправилась за советом к заводскому начальству. Сердобольная главбухша, знавшая в городе всех нужных людей, по своим каналам договорилась с больницей. Когда молчаливую, исхудавшую до прозрачности девочку привели на аборт, молодая акушерка, ахнув, отшатнулась – ее запавший живот превратился в огромный сплошной синяк.

– Плод умертвить пыталась, вот и била себя в живот кулаками, – устало прокомментировала синяк пожилая гинекологиня, повывавшая за свою практику множество изуродованных женских животов. И, еще раз взглянув на плотные иссиня-черные разводы, добавила:

– И била сильно, чтобы убить.

Надя Куличкина ничего не объясняла, она не произнесла ни единого слова ни до, ни после, ни во время самого аборта, который сердобольные женщины, вопреки существующим инструкциям, решили все же обезболить. Вечером того же дня она так же, молча, ушла из больницы.

Окончив девятый класс, Надя изменила своим прежним мечтам об университете и немедленно уехала в областной центр поступать в политехнический техникум. Зинаида не возражала. Валя и Галя, ревя от жалости, все же вздохнули с облегчением. Больше в родной город Надя не приезжала никогда.

Мечта об университете оказалась для Нади все же реальностью. Окончив с отличием техникум, где ей особенно хорошо давалась математика, она единственная на курсе получила направление в технологический институт. Бродя по гулким политеховским коридорам, она чувствовала себя почти счастливой. Единственным, что удручало Надю, было то, что среди огромного количества юношей было так мало девушек. И если другие студентки, заметив то же самое, считали это счастливым билетом в скорый брак, то только не Надежда Куличкина. Парням она не доверяла, боялась их и старалась держаться от них подальше. Иными словами, мужчин она не переносила.

Училась Надя отлично, к тому же она снова с энтузиазмом окунулась в комсомольскую и общественную работу. На втором курсе ее уже выбрали комсомольским секретарем, и она с воодушевлением снова начала заседать за кумачовыми столами на собраниях. Жизнь снова стала прекрасной, правильной и открытой. А если на ее горизонте и появлялось время от времени какое-либо облачко в виде сокурсника, желавшего стать Наде больше, чем соратником, то

она отвечала наглему таким негодованием и даже презрением, что молодому человеку лучше было немедленно забыть любые мысли о Надежде как о женщине.

После окончания Надя распределилась в конструкторское бюро, где сначала была простым молодым инженером, а потом получила отдел. Она легко вступила в компартию, и очень скоро ее единогласно избрали секретарем кэбэшной ячейки. Надежда обросла связями и знакомствами, однако пользовалась ими очень редко. Была она на редкость честным коммунистом, верила своей партии безоговорочно, и именно о такой преданности делу Ильича слагали песни.

Вечерами, возвращаясь в свою отдельную квартиру после работы и вечерней учебы в Институте марксизма-ленинизма, Надя оставалась одна. На работе у нее появилось несколько подруг, но вечерами все они спешили к мужьям и детям. И если к первым Надежда не испытывала никакого интереса, то вторые, дети, занимали ее упорядоченную математическую голову все больше. Мысли о ребенке приходили к ней и раньше, а после тридцати лет ее тоска по маленькому пухлощекому мальчику стала почти физической. Она понимала, что ее мечта иметь сына неосуществима без необходимого зла – мужа. Именно мужа, вполне законного, ведь не могла же она, коммунистка, позволить себе понести от некоего нелегального производителя. Годами Надежда, лежа ночью без сна, обдумывала возможные варианты. Но результат всегда был один – для того, чтобы иметь ребенка, нужно было сначала выйти замуж. От мыслей о том, что именно придется делать с мужем для того, чтобы забеременеть, Надю начинало мутить.

Евдокия Губа, хоть и не знала настоящей причины мужененавистничества подруги, Надю понимала. Несмотря на свою говорливость, она была совсем не так проста, как могло показаться. Они работали вместе уже давно, и самые сложные проекты начальница Надя всегда отдавала именно Дусе, зная, что та справится с работой быстрее и изящнее многих мужчин в бюро. Евдокия была воинственной старой девой, и кроме брата и покойного отца мужчин не признавала. Она была очень красива и в сорок лет, а в молодости ее редкая красота буквально сводила мужчин с ума. Высокая, осанистая, она смотрела словно поверх людей, и было удивительно, откуда у деревенской Дуськи такой царственный поворот головы и длинные, манерные пальцы. Как-то за чаем она коротко поведала Наде, что с молодости ждала «его», того самого принца, но так и не дождалась. Встречались же в основном неотесанные мужланы, на которых красавице Евдокии и смотреть-то было тоскливо. Надя уточнила тогда, в чем именно заключалось главное достоинство принца – в красоте или в богатстве, но подруга только неопределенно повела рукой, что означало, скорее всего, и то, и другое. На работе о них немного злословили – спелись две старые девы, но делалось это строго за спиной.

О том, что у Дуси есть рано овдовевший и все еще не женатый брат, Надя знала давно, но никакого интереса эта информация у нее не вызывала. Как не вызвал интереса и сам брат Петр, с которым она познакомилась случайно, во время демонстрации. Лишь когда Петр Губа начал настойчивые ухаживания, Надя забеспокоилась. Это был шанс, возможно, и даже скорее всего, последний ее шанс родить ребенка, и, тайно ненавидя происходящее, она все же решила его не упустить. Немного смущала странная фамилия жениха – Губа. За долгие годы работы с Дусей она успела к ней привыкнуть, но теперь, примеряя на себя это короткое, хлесткое и какое-то даже интимное звучание, Надежда запаниковала. Как же ей жить с такой фамилией? Откуда вообще взялась такая почти оскорбительная фамилия? Не Губарь, не Губов, а именно Губа? Обычному анализу это не поддавалось. Она несколько раз потренировалась, произнося вслух: Надежда Георгиевна Губа, Губа Надежда Георгиевна, Губа Надя. Всякий раз фамилия звучала почти неприлично. Но Надя все же смирилась и в положенный срок покорно сменила паспорт и прочие документы, деликатно не поднимая тему странной фамилии при муже.

Петр оказался человеком тихим и деликатным – в душу к Наде не лез, свою тоже не открывал, и ее это абсолютно устраивало. Пережив первую брачную ночь, она почувствовала себя намного лучше – самое страшное, каким бы гадким оно ни было, осталось позади. О том, что дети обычно получаются не с первого раза, взрослая, но наивная Надежда даже не думала. Так, ее страшный первый опыт наглядно показал, что после «этого» происходит беременность, а потому, отмучившись, она обрела заслуженное чувство исполненного долга. О том, что «это» следует делать не единоразово, а периодически, она даже не подозревала. И очень удивилась, когда Петр вдруг полез к ней уже на следующую ночь. Но был он не слишком напорист, а потому она решила не обижать его, а сослаться на болезнь. По совершенно невероятному капризу природы беременность наступила. Когда же Петр, уже зная о беременности жены, снова решил предъявить свои супружеские права, она обеспокоилась, не болен ли муж на голову – внутри нее уже есть ребенок, чего же он хочет еще? Впрочем, Петр одумался и, к великому облегчению Нади, свои гнусные попытки прекратил. А вскоре родился Гоша, и тогда ей точно стало не до мужа с его нездоровой похотью. Имя малышу придумали легко. Оба они были Георгиевичи, оба хотели назвать сына в честь отца, а потому все решилось за пять минут и навсегда – если родится сын, будет Гошей. Отчего-то оба были уверены, что Надя родит именно мальчика. Так и получилось.

Глава 4

Гоша был образцовым ребенком. Не кричал без дела, не требовал к себе внимания, не болел и спокойно лежал даже в мокрых пеленках. Единственным его капризом было своевременное кормление, задерживать которое он решительно не позволял. Впрочем, щедрая мать и сама всегда была готова дать сыну грудь, благо, что молока у нее было много. Но педиатр из поликлиники настаивала на том, что кормить ребенка следует по режиму, и Надежда самым строгим образом режиму следовала, с каждым месяцем сокращая количество трапез, но увеличивая порции. Гоша стабильно набирал вес и развивался в полном соответствии с нормой.

К трем месяцам у Гоши внезапно оттопырились уши. Обеспокоенная Надя могла поклясться, что случилось это внезапно, хотя Петр был уверен, что такого быть не могло. Как бы ни было, уши малыша выглядели удручающе. Они образовали совершенно недопустимый, почти прямой угол по отношению к голове, и сильно увеличились в размерах, словно бы опухли. Огромные, они казались чужеродными и словно не подходили к маленькой голове. Надежда с ужасом смотрела на внезапно ставшего лопухим сына, обвиняя во всем себя. Ведь знала же, знала, как важно постоянно переворачивать детей, и к чему может привести пренебрежение столь важными вещами. Она действительно не всегда надевала ему чепчик, дома бывало очень жарко, но, помня о мягких косточках детского черепа, всегда тщательно следила за тем, чтобы малыш не залеживался в одной позе. И вот теперь вдруг выяснилось, что она недоглядела, и в результате Гоша так отлежал собственные ушки, что они стали похожи на два огромных вареника! Надя была в панике, Петр, которому тоже не нравились новые уши сына, смотрел на вещи все же более трезво.

– Ну, перестань, Надя! – уговаривал он жену. – Может, уши просто в первую очередь вырастают? Может, так и должно быть? Вот они сейчас выросли, а потом уже не будут, а голова будет продолжать расти, и со временем все само выровняется и сбалансируется! Однако сам отец едва ли верил в собственную теорию – слишком уж непропорциональный угол был у гошинных ушей по отношению к голове. Виновник тревог тем временем был весел и чувствовал себя прекрасно, не подозревая о том, сколько обид принесут ему в жизни его уши. Лежа между родителей на диване, он радостно сучил пухлыми ножками и ручками, поворачивая головку то

к одному, то к другому, а виноватая мать всякий раз подсовывала палец и запоздало поправляла ему уши.

Врачиха из поликлиники повела себя безобразно, не поняв состояние Нади и позволив себе совсем неуместные шутки. Едва увидев Гошу без чепчика, воскликнула:

– Ой, какой Чебурашечка к нам пожаловал!

Надежда вспыхнула лицом, в глазах закипели обидные слезы. Визит оказался бесплодным – лекарства от лопухости не существовало. Состояние полной безысходности, охватившее Надежду в первые дни, понемногу ослабевало, ведь, в конце концов, ребенок был здоров. Но всякий раз, глядя на сына, она прежде всего видела его злополучные уши. А однажды ей показалось, что уши стали еще больше. Как-то раз пришедший с работы Петр застал жену со штангенциркулем в руках, измеряющую уши сына. Мальчик недовольно вертелся, а Надя, изловчившись и сняв очередной замер, аккуратно записывала снятые показания в блокнот. Петр молча постоял рядом, заглянул в записи, где столбиком перечислялись все значимые показатели, и вышел в подъезд покурить. Вечером Надя, уложив сына и освободив от пеленок стол в гостиной, занялась составлением графика роста ушей. В тщательно разлинованный лист она прилежно и бесстрастно внесла такие значения: «Ушно-головной угол (мм)»; «Продольная ось (мм)»; «Поперечная ось (мм)»; «Длина мочки (мм)»; «Симметричность (мм)», «Верхний край к линии брови (мм)». Были в нем также значения возраста в днях и даты внесения записи. Документ был озаглавлен «Динамика роста и деформации ушей 1969 г.»

Петр смотрел хоккей и участия в составлении таблицы не принимал. Позднее, когда листок занял свое место на стене в спальне, он старался в него не смотреть, однако все равно замечал, что таблица постепенно наполняется все новыми показаниями, внесенными аккуратным почерком жены.

Однажды, когда Гоше было семь месяцев, Петр вернулся домой и обнаружил громко кричащего сына и близкую к истерике жену. Плача, мальчик в буквальном смысле рвал на себе волосы, в то время как Надежда, сама рыдая в голос, бегала вокруг него с ножницами. Всякий раз, как она подступала ближе, ребенок заходился в крике. Не раздеваясь, Петр бросился на помощь. Заметив отца, мальчик, захлебываясь собственным плачем, протянул к нему руки. Петр подхватил ребенка, прижал к себе.

– Ну, чего ты, чего ты... – ласково, непривычно для самого себя, заговорил он, поглаживая его по спинке. – Ну, чего же ты раскричался, маленький мой, хороший мой...

Притихший Гоша вжался в него, уткнувшись мокрым личиком куда-то в шею, и судорожно дышал, время от времени икая. У Петра перехватило дыхание. Впервые он ощутил близость с собственным сыном, и от этого нового чувства глаза его предательски набухли слезами. Жена всхлипывала из кресла, и Петр, чтобы не показать ей свою слабость, покачивая сына, прошел по коридору на кухню. Новое чувство оказалось таким сладким, что ему хотелось растянуть этот момент первого единения с собственным сыном. Он начал тихонько нашептывать ему какую-то ласковую чепуху, и вдруг заметил за ушком ребенка что-то необычное. Это был лейкопластырь, уже скомканный, намертво склеившийся с волосами, частично вырванными с корнями. Нежная кожа детской головы покрылась красными пятнами, местами кровоточила. То же самое было и с другой стороны. Поборов вспышку гнева, Петр, продолжая ласково успокаивать Гошу, аккуратно потрогал пластырь пальцами, оценивая масштаб проблемы. Тот сидел намертво. Малыш дернулся, отец тут же убрал руку, снова заговаривая его лаской. Он расхаживал с сыном на руках по дому минут тридцать, даже несколько раз спел неизвестно откуда всплывшую в голове колыбельную, и, утомленный долгим криком, Гоша заснул. Надя по-прежнему безвольно сидела в кресле. Петр, изо всех сил жестикулируя глазами и бровями, указал ей на ножницы и кивнул в сторону мальчика: давай! Когда злополучный лейкопластырь был ампутирован, Петр, уложив сына в кроватку. Он долго молчал, глядя на жену, потом тяжело пошел в коридор, на ходу снимая пальто.

– И не надо на меня так смотреть, не надо! – Не выдержав, сдавленно крикнула ему вслед Надя.

– Вот баба-дура, – донесся из коридора не то вздох, не то стон. – Вот же баба-дура...

Не сговариваясь, Петр с Надеждой эпизод с лейкопластырем никогда не вспоминали. Исчез со стены и график динамики роста ушей. Надежда все же была женщиной умной. Уши мальчика оставались огромными, торчащими, обещающими ему в ближайшем и отдаленном будущем немало проблем. В целом же Гоша рос мальчиком здоровым, имел отменный аппетит, отдавая предпочтение грудному молоку. Изможденная кормлением Надежда, из которой богатырь-сын в прямом смысле высасывал все соки, отказать ему не могла, доставая грудь на каждое требование мальчика.

Глава 5

Проблемы начались, когда положенный декретный отпуск подошел к концу, и пришла пора записывать годовалого Гошу в ясли. После первого рабочего дня Надежда вернулась домой в мокром до пояса платье – молоко лилось из нее обильно и безостановочно. Гошу принесли домой капризного, охрипшего от крика и совершенно несчастного. Он тут же заснул, двумя ручонками обхватив мамину грудь. Во сне малыш вздрагивал, всхлипывал, судорожно не то вздыхал, не то икал. Надя бессильно расплакалась, и даже невозмутимый Петр почувствовал комок в горле. Выхода не было – не ходить на работу Надежда не могла, брать сына собой в кэбэшку тоже. Нужно было привыкать к новой реальности. Назавтра ад повторился – комочки ваты, которые Надя подложила себе в бюстгальтер, промокли еще до обеденного перерыва, по платью в районе груди начали расплываться липкие пятна, которые она прикрыла специально принесенной из дому шалью, а к вечеру грудь начала нестерпимо болеть. Петр отпросился с работы пораньше, бегом бросился в ясли, и вместе с сыном ждал жену возле проходной. Малыш спал на руках, вцепившись ручонкой в отцовскую пуговицу, на его щеках алели какие-то пятна. Вечером пятна стали шершавыми и покраснелись еще больше. Гоша был вялым, не хотел есть, отказался играть, и его уложили спать раньше обычного. К утру пятна на щеках приобрели бурый оттенок, огрубели, а кожа под ними потрескалась. Позвонив в бюро, Надя предупредила, что на работу не выйдет – заболел ребенок. В поликлинике врачиха слегка успокоила – это был «всего-навсего» диатез, реакция на новую пищу. Надежда же не на шутку встревожилась – чем таким кормят в этих яслях, если у совершенно здорового ребенка вдруг появляется такой ужас? Просидели на больничном сначала три дня, потом еще два, а потом приклеили к ним выходные. За неделю пятна на щеках стали едва заметными, лишь кожа на пухлых Гошиных щечках все еще оставалась слегка шершавой. Сын повеселел, разыгрался, но на всякий случай предпочитал не упускать мать из вида. В понедельник ад повторился – грудь ломило, липкое платье вызывало отвращение, Гоша капризничал весь вечер, пылал щеками и нещадно расчесывал их злобными ноготками. Во вторник на работу не пошел уже Петр, договорился с мастером, и тот выписал ему пару отгулов. Надин день на работе показался ей бесконечным. Она бездумно смотрела в чертежи, перебирала какие-то бумаги, невпопад отвечала сотрудникам, и первой метнулась через проходную в конце смены. Впереди был всего один день, а в четверг Гошу снова нужно было вести в ясли. Нервы Надежды сдавали, она без причины срывалась на безответного Петра, шипела на сотрудников на работе, даже перенесла очередное партийное собрание, чем сильно удивила немногочисленных кэбэшных коммунистов.

Проблему неожиданно разрешила Дуся, которая не могла без слез смотреть ни на подругу, ни на исчесанного до крови племянника, ни на затюканного брата. Решение это звалось Степанида Ильинична, или проще – баба Степа. Это была милая и тихая пенсионерка,

Дусина соседка, одинокая и молчаливая. Она робко, по-деревенски, сняла возле двери свои мягкие тапочки словно бы детского размера, да так и осталась стоять, не смея переступить через них. Дуся же с видом победителя энергично взяла бабу Степу за плечи и, подталкивая старушку перед собой, ввела ее прямо в эпицентр проблем семейства Губа. И жизнь внезапно наладилась. Кроткая и тихая баба Степа оказалась незаменимой няней. Она была покладистой, немногословной, но удивительно деятельной. За день с Гошей она успевала накормить мальчика, постирать и выгладить его одежду, а зачастую и белье его родителей, наварить кастрюлю густого борща и накрутить голубцов, до скрипа помыть полы, протереть все зеркала в доме, да еще и начать вязать Гошеньке шерстяные носочки. Сын, который всегда с опаской относился к незнакомцам, принял бабу Степу сразу и навсегда, при этом той совсем не потребовалось завоевывать его расположение сюсюканьем или заигрываниями. Она разговаривала мягким, тихим голосом с явным северным оканьем, которое привезла с собой из вологодской губернии. Даже ворчала баба Степа как-то не злобно, а словно уговаривая. Но все это стало известно позднее, а в первый вечер перед Надеждой и Петром предстала сухонькая бабулька в простом ситцевом платье в мелкий сиреневый цветочек с длинными рукавами и белом платочке, повязанном по-деревенски, под подбородком.

– Вот, Надя, знакомься, – это Степанида Ильинична, моя соседка. Она может сидеть с Гошенькой, – представила бабушку Евдокия. Под тяжелым взглядом подруги Дуся и сама оробела, но все же держалась. Смущенная старушка под недружелюбным взглядом хозяйки дома теребила в руках опрятный носовой платочек. Первым нашелся Петр, торопливо пододвинул на середину комнаты стул, на краешек которого Степанида Ильинична благодарно примостилась. Гоша охотно разглядывал незнакомую бабушку и, похоже, совсем ее не боялся. Неловкую паузу прервала Надежда, резко поднявшись с дивана.

– Евдокия, можно тебя на минутку? – бросила она уже на ходу, выходя из комнаты. Дуся послушно метнулась за ней. Петр, не зная, как развлечь гостью, с преувеличенным усердием занялся сыном, который, наоборот, заинтересовался новенькой старушкой.

– Это что за староверка, Дуся? Ты кого притащила? – шипела на кухне Надя в лицо подруге. Она покраснела, из-под косынки выбилась седеющая прядь невымытых волос.

– Да что ты, Наденька, что ты говоришь-то, какая староверка? Степанида всю жизнь в детском отделении медсестрой работала, а потом, уже на пенсии, там же санитаркой подрабатывала, – затараторила Евдокия. – Да ее заведующая больницей лично уговаривала не бросать их, она прямо домой к ней приходила, упрашивала, я свидетелем тому разговору была. Да у бабы Степы грамоты! А ты – староверка... Да у нее знаешь, как дома цветы цветут? А балкон ты ее видела? А чистота какая! Да я ее вчера целый вечер уговаривала, все рассказывала, как вам с Гошенькой с яслями не везет, она ведь не сразу согласилась. А ты...

Надежда слегка остыла, во взгляде ее гнев начал сменяться раздумьем, а Евдокия продолжала жарким шепотом.

– Муж ее, Григорий Андреевич, три года назад помер, сколько лет она за ним лежачим ходила! Золотая женщина, золотая. Добрая, уважительная, честная. Никогда слова плохого от нее не слышала. Соседские ребята табунами за ней бегают, она им так сказки рассказывает, что они про все забывают. А ты – староверка...

– Ну, хватит, хватит уже нахваливать, – прервала подругу Надежда. – Поняла уже, что ты ангела привела. А вот как с этим ангелом расплачиваться? Сколько она захочет за то, что с Гошей сидеть будет?

– Не знаю, Надя! – честно призналась Дуся. – Вот про это мы со Степанидой не говорили. Это уже вам с Петром договариваться, не мне.

Надя устало опустила на стул, Евдокия тихонько выскользнула из кухни. Надежда уронила горящее лицо в ладони и лихорадочно думала. Оставить сына с этой чужой старухой? Поверить дусиным рекомендациям? А вдруг у нее маразм, а если она уронит Гошу, а если

отравит его какой-нибудь своей старушечьей ерундой? На память сразу пришла бабка Савельевна, сумасшедшая соседка по бараку, в котором Надя провела детство. Они с сестрами часто подглядывали, как она варила в маленькой коричневой кастрюльке свое вонючее зелье, которое называла супом. Надя даже помотала головой, словно отгоняя едкий, тошнотворный запах старухино варева, от которого соседи прятались по комнатам. Никто ни разу не видел, как и когда Савельевна ест свой суп, но запах, сопровождавший процесс приготовления, накрывал весь барак.

Надя прислушалась. Из большой комнаты слышались веселые голоса, смеялся Гоша, возбужденно тараторила Дуся. Отказаться от этой Степаниды? Ясли? Снова пылающие щеки, нервоотрепка и ежевечерние истерики? Как же она это выдержит? Но ведь ходят же в ясли другие дети, пыталась уговорить себя Надежда, и нет у них ни диатеза, ни истерик. И не такой уж Гоша особенный, и нет нужды раздувать проблему из обыкновенного привыкания к коллективу. И что это Дуся вообще удумала, распаяла себя Надежда-коммунистка, что это за мелкособственничество? Мы что, зря строим социализм, если не можем сами вырастить своего ребенка? С такими мыслями она решительно встала из-за стола и широкими шагами зашагала в комнату.

Гоша удобно устроился на коленях старушки и охотно хлопал для нее недавно освоенные ладошки, время от времени посматривая на отца. Бабушка едва слышным голосом нахваливала его, и было в ее голосе что-то уютное, домашнее, и Надежда вдруг почувствовала, что присутствие в доме нового человека, который к тому же собирается вторгнуться в их семью, нисколько ее не смущает. Ей даже вдруг захотелось, чтобы она оказалась какой-то родней, пусть далекой, но родней. Она тихо опустилась рядом с мужем на диван и изменившимся голосом произнесла:

– Ну, вижу, что вы уже познакомились! Давайте тогда чаю?

Встрепенувшись, Степанида Ильинична передала Гошу отцу и бросилась в коридор за гостинцами, вкуснейшими пирожками с картошкой и вареньем из смородины, которые она принесла в самодельной болоньевой сумке. Недовольный Гоша немедленно увязался за новой знакомой, и позднее, на кухне, все рвался с коленей матери на колени будущей няни. Надежда его мягко, но твердо удерживала.

Об оплате стоворились легко, Степанида Ильинична согласилась на пять дней в неделю за двадцать пять рублей и стол. Позднее, осознав объем работы, который та самовольно взвалила на себя, Надежда не раз пыталась поднять бабе Степе «зарплату», но та всякий раз категорически отказывалась с отмашкой обеими руками и даже попытками перекреститься. Надежде баба Степа поставила лишь одно условие – каждый день сцеживать молоко для мальчика, чтобы его хватало на два кормления. И теперь каждое ее утро начиналось одинаково – встав на час раньше, Надя нещадно мяла свои груди, выцеживая из каждой по полной миске теплого, слегка синеватого на вид молока. Затем молоко переливалось в с вечера промытые стеклянные бутылочки, которые увенчивались сосками и выстраивались на дверце холодильника. И если сначала Надежде едва удавалось нацедить полторы бутылочки, то вскоре ее утренняя норма легко выросла до трех. Надежда лишь охнула про себя, как же она сама не додумалась сцеживать молоко и не мучиться на работе от ломоты в окаменевших грудях, не прятать под шалью липкие мокрые разводы. Это ведь было так просто – сцеживать молоко, это постоянно требовали от рожениц медсестры в родильном отделении, но все без исключения молодые мамочки дружно это занятие ненавидели. Теперь же, сидя в предрассветной спальне и наполняя миску собственным молоком, Надежда испытывала настоящее умиротворение, этот утренний ритуал словно бы обещал благополучие на весь день. Она прислушивалась к ровному дыханию Гоши.

Мальчик спал посередине кровати, широко раскидав в стороны пухлые ручки и выпростав из-под одеяла одну ножку. Сседившись, Надежда, прихватив полную миску, выскальзывала из комнаты и ставила на кухне чайник. Гоша проснется позже, когда они с мужем будут уже на работе, а дежурство по дому подхватит Степанида Ильинична.

То, что баба Степа – сокровище, Надежда поняла в первую же неделю. И дело было не только в ухоженном и довольном Гоше, промытых полах и теплом ужине. Помимо труда старушка принесла в дом какое-то умиротворение. Это было что-то необъяснимое, но от нее исходило тепло, спокойствие и ощущение того, что все идет как надо. Особенно остро Надя с Петром почувствовали это, когда Гоша заболел простудой. Они провели бессонную ночь в безуспешных попытках сбить температуру, за ночь Гошу трижды вырвало, мальчик беспрестанно хныкал, крутился и брыкался, и к утру оба родителя чувствовали себя не только разбитыми, но и бесполезными. Аспирин не помогал, от молока и морса Гошу рвало. Начиналось воскресенье, а это означало, что вместо своего участкового врача придется вызывать бездушную «скорую», и этот вызов вполне мог обернуться детской инфекционкой, которой Надя боялась почти до истерики. Когда Петр предложил сходить за бабой Степой (а это был ее выходной) Надя лишь устало отмахнулась от него – делай, что хочешь. Ощущение собственной беспомощности угнетало, но еще страшнее было попасть в инфекционное отделение, слишком уж много историй слышала Надя об этом жутком месте от коллег и знакомых. Она бездумно утюжила и без того идеально выглаженную пеленку, когда пришел муж с бабой Степой. Та бесшумно помыла руки и тихонько проскользнула в спальню. Через минуту вышла, попросила Петра приготовить ей тазик с прохладной водой, пару больших пеленок и уксус. На побелевшую от переживаний Надежду баба Степа не обращала внимания. Или сделала вид, что не обращает. Петр исполнил поручение без вопросов и максимально точно, и баба Степа, по-деревенски уперев тяжелый таз в бок и прихватив свободной рукой уксус и пеленки, снова шмыгнула в спальню. Это был старинный деревенский способ сбивать температуру, и через час Гоша, умытый, накормленный, в чистой и сухой фланелевой рубашечке, спал уже не горячечным, а здоровым сном утомленного ребенка. К вечеру температура спала совсем, а страшная простуда, которая виделась Наде как минимум воспалением легких, обернулась пусть и недельным, но всего лишь насморком. На этот раз Наде не потребовался даже больничный – баба Степа справлялась с приболевшим мальчиком гораздо лучше двух родителей.

Диатез Гоши, невероятным образом появившийся после нескольких дней в яслях, исчез бесследно уже через несколько недель. К двум годам Гоша Губа представлял собой весьма упитанного карапуза, улыбчивого, доверчивого, с ярким румянцем на пухлых щеках и густыми черными волосами, из которых смешно торчали большие, совсем не детские уши. Надя аккуратно поинтересовалась у бабы Степы, не известен ли ей народный рецепт от лопухости, но та уверенно ответила, что его не существует.

Глава 6

Степанида Ильинична Потоцкая родилась в тысяча девятьсот десятом году в Вологодской губернии. Она была младшей из шестерых детей в семье Ильи Неверова и его жены Акиньи. Бывший крепостной, Илья оказался весьма предприимчивым, торгуя в своей и соседней деревнях городским домашним скарбом, а в Вологду возил по базарным дням доверху набитые телеги продуктов. Позднее завистливые соседи не простили Илье его торговой хватки, и он одним из первых попал под раскулачивание. Но это было позднее, а первые детские воспоминания Степы были светлыми и мирными. Это не были полноценные эпизоды из жизни, скорее это были коротенькие зарисовки, и впоследствии Степанида даже не была уверена, было ли это реально, или приснилось в детском сне. Она помнила маму, нарядную, с крупными красными

бусами на шее, она улыбалась и протягивала к ней руки, а она упиралась, рук не давала, и все хотела изловчиться и схватить красивую красную бусину. Но та лишь смеялась и перекидывала за спину тяжелую косу. Еще помнился запах хлеба, который мать нарезала огромными ноздреватыми ломтями, раздавая по очереди детям. По чудовищной ошибке в церковной книге новорожденную дочь Неверовых Стешу записали мальчиком, Степаном. Откуда взялось это имя, не знал никто. Возможно, писмоводитель был глуховат, или Илья, стесняясь в присутственном месте, невнятно произнес имя малышки. Малограмотные Илья и Акинья и вовсе не знали, что именно вывел в метрической книге вечно недовольный церковный служитель. Выяснилось все лишь позднее, когда в деревне появились переписчики. Сначала Илью с Акиньей даже обвинили в укрывательстве младшего сына от армии, и поверили лишь после того, как на середину избы вытолкали пунцовую от стыда Стешу, которой было уже лет тринадцать. Позднее, когда она получала на руки метрику о рождении, советские чиновники раздумывали недолго, и вместо Степана Неверова записали ее Степанидой. Родные, впрочем, так и продолжали звать ее Стешей, но к тому времени от большой и крепкой семьи уже ничего не осталось. Все четверо братьев канули в мясорубке Первой мировой, причем похоронка пришла лишь на одного, Григория, остальные же, Андрей, Иван и Петр, пропали без вести. Отца в армию не призывали, он с детства был слеп на один глаз. Старшая сестра Серафима, которая вышла замуж перед самой войной и перебралась в соседнее село, осталась вдовой и вернулась в родительский дом. Степанида запомнила ее угрюмой, всегда с поджатыми губами, в черном платке и бесформенном черном же платье, почти бессловесной. Женихов после войны совсем не осталось, и о замужестве сама Стеша даже не мечтала. Однажды поздно вечером она случайно подслушала, как матушка, всхлипнув, посетовала отцу:

– Девка какая пропадает, и взять некому! А какая бы невеста была, ладная да хорошая. И некому нам с тобой, Ильющенька, внуков подарить.

С этими словами Акинья тихо расплакалась, а Стеша долго не могла уснуть и все представляла себя невестой. Наутро она, дождавшись, когда все разойдутся, разглядывала себя в небольшом зеркале, которое висело над сундуком с ее так и не пригосившимся приданым. Краснея от стыда, она задрала до подбородка нижнюю рубашку и впервые рассмотрела себя как бы со стороны. В бане, куда они с сестрой и матерью ходили каждую неделю, зеркала не было, а обсуждать женские прелести с сестрой было не принято. И вот, полыхая щеками, Стеша впервые увидела свое тело, которое к огромному ее удивлению оказалось по-настоящему женственным. Эту женскую красоту очень скоро пришлось прятать – по многострадальной стране уже покатила красная революция и гражданская война, и деревню трясло от постоянных набегов то красных, то белых, то анархистов, а то и вовсе неизвестных никому банд. Во время этих набегов мать почти кулаками загоняла Стешу на сеновал – вся деревня знала, что сделали пьяные коммунары с Тонькой Панариной. Поговаривали, правда, что та сама всю крутила хвостом перед их главарем в папахе с красной лентой, однако едва ли деревенская красotka Тонька могла предположить, что ее будут насиловать всем отрядом, а потом выбросят почти бездыханной из избы. Так, голая, она пролежала во дворе штабной избы (бывшего дома расстрелянных Лобовых) до самой ночи, и никто не решался зайти и забрать ее. И только деревенский дурачок Митюня, увидев ее, бесстыдно валявшуюся в пыли двора, нахмурился, зашипел что-то, пуская слюни, сбросил с себя латаный пиджачишко, пинком распахнул калитку и укрыл Тоньку от чужих глаз. Посидел рядом, все так же злобно шипя, потом попробовал поднять ее на руки. Девка была здоровой, полнотелой, и, как ни пыжился Митюня, поднять ее не мог. На помощь подоспела его матушка, вдвоем они выволокли Тоньку со двора, а с крыльца за ними с ухмылкой наблюдал тот самый красный комиссар, перед которым глупая девка на свою беду решила покрасоваться.

После этого случая Акинья достала из своего сундука самый невзрачный платок и мешковатое платье прошлого века. Злобно бросила Стеше, словно она была виновата в том, что случилось с Тонькой. Пригрозила двумя кулаками: из дому ни ногой. Два года Стеша пряталась в доме, а в лихие дни перемены властей неделями сидела в сене. Она почти перестала говорить – было не с кем, все ее жизненные функции свелись к минимуму – приему пищи и отправлениям. Есть хотелось постоянно, и когда сестра украдкой, по темноте, поднималась к ней, пряча на себе узелок с едой и кувшин воды, она молча выхватывала у нее продукты и тут же набрасывалась на них. Сестра так же молча удалялась. С сеновала она наблюдала и начавшуюся продрозверстку, и зажимала рот кулаками, чтобы не кричать, когда два пьяных уполномоченных волоком потащили со двора их кормилицу, козу Звездочку с трехмесячным козленком. Оползнув от горя мать распласталась на крыльце и громко выла, сестра пыталась утащить ее в дом. Отца Стеша не видела. Однажды ночью она проснулась от громких криков. Во дворе, сверкая огоньками папирос, переговаривались и громко смеялись несколько человек. Из избы раздавались крики, пару раз хлопнули выстрелы. Стеша, обессилев от страха, упала в сено и молилась. Вскоре на крыльце снова затопали чужие шаги, а потом тишину спящей деревни разорвал нечеловеческий крик. Кричала Акинья, но когда трясущаяся Стеша снова подползла к своей смотровой щели, разглядеть что-либо в темноте двора она не могла. Из распахнутой двери в дом пробивался слабый свет, время от времени выходили и снова входили какие-то люди. Скрипели отдираемые половицы, громыхала посуда, кто-то таскал что-то тяжелое в телегу за калиткой. Всхрапывала невидимая лошадь. Вскоре последние шаги протопали к калитке, и в доме воцарилась тишина. Стеша пыталась уловить хоть какие-то звуки, или плач, но не могла. Она слышала, как скрипят, приоткрываясь, соседские двери, как тихонько звякают хлипкие окна соседей, как кто-то шепчется у самой их калитки, но войти во двор любопытные так и не решились. Обратившись в слух, она просидела всю ночь, а когда густая темнота начала разбавляться утренней серостью, тихонько спустилась с сеновала и, босая, шмыгнула в избу. От запаха внутри Стешу немедленно вырвало – так пахло во дворах в дни забоя свиней, смесью крови и испражнений. Прямо посередине избы было выломано несколько половиц, ногами в дыру, головой на полу лежал вверх лицом отец с непонятным бурым месивом в районе живота. В углу комнаты, переброшенная через высокий сундук застыла сестра Серафима. Головы ее видно не было из-за наброшенного на нее подола. Зад ее был совершенно немислимим образом оголен и словно бы зиял, обращенный прямо в середину избы. На ногах густыми потеками застыла потемневшая кровь. Матушку Стеша нашла не сразу, она лежала под грудой выпотрошенного из сундука с ее приданым тряпья. Лица у нее не было в прямом смысле, его разнесли прикладом.

Не в силах осознать то, что произошло, Стеша просидела на полу до самого вечера. Она не двигалась, смотрела в одну точку перед собой и словно бы заморозилась. Не реагировала и когда соседи, робко постучав, охая, выносили мертвых и наскоро прибирали в избе. Словно куклу, ее подняли с пола, пересадили на лавку, она так и осталась сидеть. Вопросов не слышала, на шум и свет не реагировала. Не сопротивлялась, когда пришли уже за ней. Молча, позволила вывести себя из избы, автоматически взяла узел с вещами, который всучила ей в руки соседка. Села в телегу и, не заметив дороги, доехала вместе с обозом из раскулаченных до Вологды. Как она прожила три недели передержки, не помнила. Позднее ей не раз снился какой-то полутемный храм, на полу которого вповалку лежали сотни людей. Во сне она смотрела на высокий купол, расписанный упитанными ангелами и строгими мучениками. Пришла в себя Стеша спустя месяц, в спецпоселке Медвежьегорского района в Карелии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.